

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ В ИССЛЕДОВАНИИ ПРОБЛЕМЫ СООТНОШЕНИЯ УНИВЕРСАЛЬНОГО И ИДЕОЭТНИЧЕСКОГО

КАЗАКОВА М.А., асп.

Раскрывается лингвофилософская проблема соотношения универсального и идеоэтнического в языке. На примере философско-лингвистических концепций, бытовавших в различные исторические эпохи, показано, как менялось представление ученых по данному вопросу, к каким выводам приходили крупнейшие представители наиболее значимых философско-языковедческих концепций, начиная с XVII и заканчивая XX столетием.

Ключевые слова: универсалии, грамматика, лингвистика.

LINGUISTIC CONCEPTIONS IN INVESTIGATION OF UNIVERSAL AND IDEOETHNIC CORRELATION PROBLEM

KAZAKOVA M.A., postgraduate

The article deals with the philosophic-linguistic correlation of universal and ideoeethnic in the language. Taking the philosophic-linguistic conception existing in different epochs as an example it is shown as the scientists' opinion changed through the time, the conclusions of the most outstanding philosophic-linguistic conceptions from XVII to XX century.

Key words: universalialia, grammar, linguistics.

Согласно философскому энциклопедическому словарю, «универсалии – общие понятия, в философской и гносеологической проблеме статуса которых ставится вопрос о том, что такое реальное бытие, каким образом существует идеальное, как возможно рациональное понятийное познание, как соотносится мышление и действительность, общее и единичное» [9, с. 890].

Язык, являясь адаптивной системой, принадлежит к разновидности кодирующих систем. Под кодирующими системами понимается устройство с определенной структурой, способное иметь возбужденные подструктуры в пределах данной структуры, когда возбуждаются входные элементы системы. Если при этом каждой комбинации возбужденных входных элементов однозначно соответствуют комбинации возбуждений выходных элементов, то такое кодирующее устройство может рассматриваться как идеальное, обеспечивающее преобразование информации без потерь [13, с. 38].

Именно таким представлением о языке как о кодирующей системе объясняется следующая трактовка языковых универсалий, свойственная научной мысли в настоящее время: **универсалии** – языковые факты и явления, обнаруживаемые во всех языках или в достаточно представительных группах языков [2, с. 63]. Так, передача сигналов от одного собеседника к другому может осуществляться разными способами, например, с помощью непосредственных соприкосновений собеседников или за счет передачи вкусовых раздражений, запахов, цветовых и световых образов, и наконец, с помощью звуков. Все из перечисленных путей передачи информации от одного человека к другому, кроме последнего, весьма ограничены и ненадежны. Этим и объясняется

универсальное, присущее всем языкам свойство – использование артикуляционно-акустического способа кодирования и декодирования информации. Это свойство представляет собой важнейшую универсалию всех человеческих языков [13, с. 40].

В целом, проблема универсалий остро стоит сегодня в языкознании и вызывает повышенный интерес у специалистов в данной области. Но наряду с вопросом о языковых универсалиях не менее актуален и вопрос о культурно-специфическом в языке, или в терминах этнолингвистики – идеоэтническом компоненте языка. Точкой отсчета является человек как существо, действующее в мире. Та информация, которую он имеет о мире, прежде всего, связана с человеком как субъектом действия. Она похожа на динамическую схему, пусть очень сложную, внутри которой человек действует. Объекты мироздания, которые попадают в его поле зрения, являются для него функционально символически значимыми. Эти динамические «схемы» можно обозначить как культурные модели. Помимо своих прочих функций этническая культура является механизмом «схематизации», упорядочения мира в сознании человека.

Картина мира, существующая в сознании каждого индивида, может показаться фантомом. Человеку скорее кажется, что он имеет некоторую упорядоченную систему представлений, общих с его социокультурным окружением. Имеет он нечто совсем иное: ощущение наличия такой целостной, упорядоченной и гармоничной системы. Это закономерно. В действительности же разрозненные элементы картины мира присутствуют в сознании человека в качестве фрагментов, не вполне стыкующихся между собой. Именно это и становится ясно при попытке облечь картину мира в слова.

Человеческое действие, становясь культурным феноменом, должно быть вписано в общую структуру бытия, а потому его рациональность понятна только внутри логики данной культуры. Соответственно, несмотря на наличие возможных общих, свойственных нескольким культурам одновременно, а следовательно, и языкам, на которых носители той или иной культуры осуществляют взаимодействие, компонентов, в языке (а в первую очередь, в культуре этноса) всегда присутствует нечто исключительное, свойственное только данной языковой общности. Это культурно-специфическое, сугубо национальное наполнение языка и определяется как идеоэтнический его компонент.

В течение XVI–XVII вв. теоретический подход к языку не получил значительного развития. Тем не менее именно в это время шло постепенное становление нового взгляда на языки, в основе которого лежала идея множественности языков и возможности их сопоставления. Не секрет, что о существовании большого количества языков было известно всегда. Но лингвистическая традиция, господствовавшая до XVI в., склонялась к исследованиям одного определенного языка, традиции и категории которого переносились на язык изучающей его культуры. Более того, все основные языки Западной Европы были генетически родственны и принадлежали к двум группам индоевропейской семьи – романской и германской, и типологически они также были достаточно близки, обладая, в частности, сходными системами частей речи и грамматических категорий. На основании данных фактов, естественно, возникала мысль о принципиальном сходстве языков, обладающих лишь частными отличиями друг от друга.

С развитием философии рационализма стали создаваться предпосылки для возникновения так называемых универсальных или логических («философских») грамматик [3, с. 20]. Такие грамматики характеризовались тенденцией к сведению смысловой стороны различных языков к единому логическому знаменателю, так как считалось, что у всех языков должна быть общая логическая основа.

Самым известным и популярным образцом индуктивного подхода в грамматике (связанного с попыткой выявить общие свойства реально существующих языков), основанного на принципах универсальных и логических грамматик, стала так называемая «Грамматика Пор-Рояля», впервые изданная в 1660 г. [1, с. 45]. По словам авторов грамматики Антуана Арно и Клода Лансло, стимулом к ее написанию послужил «путь поиска разумных объяснений многих явлений, либо общих для всех языков, либо присущих лишь некоторым из них» [6, с. 7].

В своих исследованиях сравнительно-исторического плана авторы «Грамматики» все еще ориентировались на эталон латинского языка. Так, учеными устанавливается, что в греческом языке, в котором на один падеж меньше, чем в латинском, аблатив все же присутствует, только всегда совпадает с дативом [6, с. 27].

Говоря об именах, Арно и Лансло сталкиваются с проблемой несовпадения состава частей речи. Если в латинском языке прилагательное и существительное было принято считать одной частью речи, то в других европейских языках возникла необходимость их строгого разграничения. Был найден компромисс – выделили одну часть речи, но с двумя подклассами. Это привело к тому, что в области значений стали выделять так называемые «ясные» значения, которые разделяли существительные и прилагательные, а также «смутные» значения, которые были общими для двух подклассов одной части речи [1, с. 47].

Что касается артиклей, то авторы грамматики совершенно отошли от латинского образца, сконцентрировав внимание на французском языке [6, с. 49]. Ученые выделили две категории, влияющие на употребление той или иной единицы языка, в данном случае артикля, – обиход и разум. Употребление артикля с именами собственными в греческом языке авторы грамматики объясняют несогласованностью обихода и разума. Что же касается французского, их родного языка, то здесь все достаточно рационально, и обиход согласуется с разумом, чего, например, нельзя сказать ни о греческом, ни об итальянском языке.

Несмотря на преимущественное ориентирование на какой-либо конкретный язык, есть в «Грамматике Пор-Рояля» и случаи общего семантического анализа. Показательными в данной связи являются разделы, посвященные сравнительно-периферийным проблемам: относительным местоимениям, наречиям, эллипсису [1, с. 48].

«Грамматика Пор-Рояля» стала очень популярной с самого первого издания. Она считалась образцовой вплоть до конца XVIII – начала XIX столетия. У грамматики было много последователей и подражателей. Но в первой половине XX в. грамматическая концепция Арно и Лансло подверглась критике, причем осуждалось именно жесткое следование латинскому эталону, против которого, кстати, сами авторы грамматики и выступали. Ее называли «умственной, априористической, ребяческой, втискивающей язык в логические схемы» [1, с. 48]. Сторонниками такой оценки «Грамматики Пор-Рояля» стали известные лингвисты прошлого столетия – И.А. Бодуэн де Куртене, Л. Блумфилд, Ч. Хоккет и др. Ученые того времени считали, что грамматика Арно и Лансло преувели-

чивала роль романских языков в определении и вычленении универсальных свойств языка.

Тем не менее, несмотря на бытующую критику французской грамматики, во второй половине XX в. изучением ее содержания занялось одновременно несколько исследователей-лингвистов. Ученые пришли к выводу, что в действительности данная грамматика представляла собой огромную ценность с точки зрения полученных в результате лингвистических изысканий выводов, и данные ее вполне применимы для современных исследований в области компаративного изучения языков.

Хотя у Арно и Лансло не было четкого представления о корнях рациональной основы их же собственной грамматики, они внесли большой вклад в развитие научной мысли в области сравнительного языкознания. Необходимо отметить, что «Грамматика Пор-Рояля» к историческому языкознанию, в принципе, никакого отношения не имела, поскольку носила исключительно синхронный характер, что и стало ее огромнейшим недостатком. «Рациональная основа» всех языков рассматривалась как неизменная сущность, а поэтому фактор исторического преобразования языка в концепцию просто не включался. Но тот факт, что авторы грамматики подарили научному миру идею, а также подтверждение наличия общих свойств у человеческих языков, объясняемого равнозначным положением языков по отношению друг к другу, стал большим шагом в языковедении, положившим начало веренице многочисленных исследований в данной области.

Ноам Хомский, выдающийся американский лингвист и философ языка XX столетия, основоположник генеративного направления в лингвистике, концепция которого в современном языковедении получила название генеративной, или трансформационной, грамматики [1, 10, 11, 12], дал высокую оценку «Грамматике Пор-Рояля», обозначая ее как «первую действительно значительную общую теорию лингвистической структуры» [1, с. 316, 12, с. 25]. По мысли Хомского, недостаток всех предыдущих исследований языка состоял в недооценке «либо абстрактности тех структур, которые «даны уму», когда производится или понимается высказывание, либо длины и сложности той цепи операций, которые связывают мыслительные структуры, выражающие семантическое содержание высказывания, с физической реализацией» [11, с. 36].

Соответственно, в более широком плане лингвистам необходимо, по убеждению исследователя, разрабатывать проблему определения глубоких, фундаментальных свойств успешно действующих грамматик, итогом чего станет теория лингвистической структуры, в которой описательные механизмы конкретных грамматик представлялись бы и изучались абстрактно, без обращения к конкретным языкам.

«Мне представляется, – пишет автор, – что наиболее обнадеживающим подходом сегодня является путь описания явлений языка и умственной деятельности как можно более строгим образом, путь попыток создания абстрактного теоретического аппарата, который, насколько возможно, объяснит эти явления и выявит принципы их организации и функционирования...» [11, с. 25]. Таким образом, начиная с самых первых своих работ, Хомский стремился к построению такой лингвистической теории, которая бы объясняла свойства «языка вообще».

Следуя концепции авторов «Грамматики», Хомский считал, что грамматика языка должна содержать систему правил, характеризующих глубинные и поверхностные структуры и трансформационные отношения между ними, а также правила, соотносящие эти абстрактные структуры с определенными репрезентациями в звуке и в значении, составляющими основу универсальной фонетики и универсальной семантики [11, с. 29]. Так Хомский приходит к пониманию важности создания универсальной грамматической теории, способной объяснить язык на всех его уровнях.

По глубокому убеждению Хомского, построение объяснительной теории языка вообще, а иными словами универсальной его теории, должно начинаться с установления системы правил и определения принципов, этими системами управляющих. Исследователь полагал, и в этом заключалось его огромное достижение, заложившее основу генеративной грамматики, что язык – множество предложений, конечное или бесконечное, знание которых, а вернее – система правил, соотносящих «особым образом звук и значение», представляет собой систему, генетически свойственную человеку, заложенную в его сознании [1, с. 312; 10, с. 5; 11, с. 37; 12, с. 34]. Грамматика, таким образом, по словам Хомского, предстает как некое устройство, которое, в частности, задает бесконечное множество правильно построенных предложений и сопоставляет каждому из них одну или несколько структурных характеристик.

Усвоив грамматику, носитель языка на основе достаточно ограниченного количества данных, притом не всегда качественных, наделяется способностью к восприятию и последующей интерпретации воспринимаемых языковых структур. Хомский, задаваясь вопросом о том, как это происходит, приходит к умозаключению, что «на одном уровне явления, с которыми имеет дело грамматика, объясняются терминами самой грамматики, – ученый называет ее «конкретной», – а на более же глубинном уровне те же самые явления объясняются с помощью принципов, которые определяют выбор грамматики определенного вида и задают ее форму» [11, с. 38].

Эти глубинные принципы Хомский назвал «универсальной грамматикой», а ее исследование определил как изучение природы человеческих интеллектуальных способностей. Такое исследование стремится сформулировать необходимые и достаточные условия, которым должна удовлетворять некоторая система, чтобы считаться потенциальным человеческим языком. При этом важно заметить, что данные условия не просто случайно применимы к существующим человеческим языкам, а коренятся в человеческой языковой способности и образуют так называемую «врожденную организацию» [11, с. 38; 12, с.36].

Рассматриваемая Хомским «универсальная грамматика» представляет собой совершенно иное понятие, чем то, которое вкладывается в этот термин современной лингвистикой. Обычно этим термином обозначают «инвентарь инвариантных грамматических явлений, находимых во всех языках и открываемых путем типологического сравнения» [2, с. 114]. Последователи теории Хомского тем временем употребляют этот термин со значением «врожденная грамматика», или «врожденная общая теория языка», подразумевая под этим не описание каких-либо свойств реально существующих систем, а некие неопределенные биологические свойства человеческого сознания [12, с. 38]. Сам Хомский писал по этому поводу: «Лингвистическую теорию можно понимать как теорию биологического дара, лежащую в основе усвоения и использования языка; иначе говоря, как теорию универсальной грамматики (УГ), согласно которой ее назначением является выражение биологически необходимых свойств» [10, с. 18]. Под термином «лингвистические универсалии» в свете представлений о предназначении лингвистической теории в рамках генеративной (порождающей) грамматики Хомского понимаются формы организации «врожденных идей» в отличие от общепринятых «языковых явлений (свойств, характеристик), обнаруживаемых во всех языках» [2, с. 485].

Поскольку «врожденная» универсальная грамматика «внутренне присуща» человеческому сознанию, не удивительно, что Хомский относит изучение языка к области наук, изучающих психическую деятельность человека, указывая, таким образом, на связь между психологией и лингвистикой, на стыке которых в конце прошлого века зародилась наука психолингвистика. В представлении генеративистов, грамматика конкретного языка не изучается, а каждый раз создается заново. По мысли Хомского, язык изобретается заново каждый раз, когда им овладевают. Происходит это в сознании каждого индивида, начиная с детского возраста, благодаря наличию у каждого ребенка «врожденных идей». То, с чем сталкивается овладевающий языком, сводится к задаче ус-

тановления того, принадлежат ли эти данные к одному или к другому из весьма ограниченного количества языков.

Знание конкретной грамматики, получаемой на выходе «устройства усвоения» и отличающейся от грамматики универсальной прежде всего тем, что она не является врожденной и строится на основе «врожденных идей» (термин Хомского), по мысли Хомского, составляет компетенцию говорящего [11, с. 39]. Свод правил конкретной грамматики соотносится в сознании владеющего языком с набором правил того естественного языка, которым, соответственно, он пользуется в повседневной жизни [12, с. 40]. Хомский полагает, что универсальная грамматика, построенная в сознании членов одного языкового сообщества на основе присущих каждому индивиду «врожденных идей», дополняет конкретную, строящуюся заново грамматику определенного языка, таким образом осуществляя слияние всеобщего, универсального и присущего всем людям знания со знанием сугубо специфическим, культурно маркированным. В терминах этнолингвистики и лингвокультурологии такую культурно-специфическую и характеризующуюся этнической принадлежностью информацию (знание) можно охарактеризовать как идеоэтническое знание, присущее определенному языковому коллективу, говорящему на одном языке.

Именно с возможностями приобретенной системы (усвоенной конкретной грамматики) Хомский связывает творческий характер использования любого языка. Без знания системы нет знания языка, и никакие «врожденные идеи», по замечанию самого Хомского, не способны избавить человека от необходимости четко изучить строй своего языка с тем, чтобы «творить» на нем – создавать неограниченное количество речевых произведений, используя весьма ограниченный набор языковых средств [12, с. 42].

Подводя итог обзору теоретической концепции Ноама Хомского, следует отметить, что его учение о врожденности познавательных, в частности, языковых структур, вызвало и вызывает бурные дискуссии не только у лингвистов, но и у психологов и философов. В настоящее время концепция Хомского испытывает множество изменений и модификаций. Процесс формирования лингвистической теории далеко не завершен, а идеи и методы, выдвигаемые и используемые представителями различных школ и направлений в русле генеративной лингвистики, также весьма разнообразны. Но неоспоримым является тот факт, что с появлением концепции Хомского и введением в лингвистическую науку представлений о «врожденных идеях» и абстрактных структурах, присущих любому языку вообще, развитие лингвистики как в США, так и в других

европейских странах пошло по совершенно новому пути.

Большой вклад в развитие представлений об универсальном и идеознническом в языке внес известный немецкий ученый, общественный и политический деятель В. фон Гумбольдт. В своих лингвистических исследованиях Гумбольдт затронул важные проблемы социально-философского плана, связанные с определением понятий «народ» и «язык», и пришел к осознанию того, что ничто иное не способно столь приблизить к разгадке тайны человека и характера народов, как их языки. Интерес ученого к самым различным по строю языкам сопровождался историческими, антропологическими и этнопсихологическими исследованиями народов. Он размышлял о совершенно новой форме сравнения языков. Задачу, стоящую перед сравнительным языкознанием, Гумбольдт видел в следующем: «Главное – ... верный и достойный взгляд на язык, на глубину его истоков и обширность сферы его действия» [4, с. 7; 5, с. 254], – подразумевая, что исследовать функционирование языка – значит исследовать его в самом широком объеме, в его отношении к деятельности мышления и чувственного восприятия.

Общепринятое мнение, согласно которому мышление занимает доминирующее положение, а язык как его «внешнее проявление» лишь сопутствует ему, не принимая никакого участия в формировании мысли, подвергли сомнению еще Гаман и Гердер [1, с. 62; 7, с. 31]. Однако в ту эпоху лишь Гумбольдту удалось восстановить нужное равновесие между языком и мышлением. Его способ рассмотрения самых различных аспектов языка, глубина и сила его аргументации наводят на мысль о том, что Гумбольдт постепенно вырабатывал метод, посредством которого можно было бы подойти к доказательству изначального единства языка и мышления, а также, что не менее важно для современной науки, к доказательству единства феноменов культуры.

«Язык – орган, образующий мысль», – писал Гумбольдт, – а «слово, которое одно способно сделать понятие самостоятельной единицей в мире мыслей, прибавляет к нему многое от себя, и идея, приобретая благодаря слову определенность, вводится одновременно в известные границы» [4, с. 75; 3, с. 78]. Причем, происходит это, по наблюдениям Гумбольдта, не абстрактно, не в «языке вообще», а в реальных, конкретных языках. Мышление не просто зависит от языка, оно обусловлено каждым конкретным отдельным языком.

В своих работах Гумбольдт ставит вопрос, не является ли различие языков тем фактором, который случайно сопутствует жизни народов, являясь лишь средством повседневного общения, или, напротив, он, язык, является необходимым, ничем другим не за-

менимым средством формирования мира представлений. Ученый считал, что необходимо исследовать не только язык вообще, но и каждый язык в отдельности, даже самый неразвитый, в силу того, что разные языки исследователь мыслил не различными обозначениями одного и того же предмета, а разными видениями его. Конечной целью своего исследования Гумбольдт видел выяснение отношения языка к данному «миру представлений как к общему содержанию языков» [4, с. 79; 3, с. 81].

Деление человечества на языки совпадает с делением его на народы, из чего, по убеждению Гумбольдта, можно заключить, что между языком и народом, или, точнее, духом народа, существует необходимая корреляция. Язык выступает не только в качестве примарной формы объединения людей в одно языковое сообщество, но и, прокладывая путь к постижению объективной истины, является «великим средством преобразования субъективного в объективное, переходя от всегда ограниченно индивидуального ко всеобъемлющему бытию» [4, с. 17].

Гумбольдт подчеркивал присутствие в каждом отдельном языке сугубо национальных элементов, не повторяющихся ни в каком другом языке, и именно сравнительное языкознание позволяет обнаружить и прочувствовать все глубину национального своеобразия того или иного языка. Гумбольдт писал: «Существует гораздо большее количество понятий, а также своеобразных грамматических особенностей, которые так органически сплетены со своим языком, что не могут быть общим достоянием всех языков и без искажения не могут быть перенесены в другие языки. Значительная часть содержания каждого языка находится поэтому в неоспоримой зависимости от данного языка, так что это содержание не может оставаться безразличным к своему выражению» [4, с. 82].

Овладевая языком задолго до актов осознания, человек усваивает одновременно и тот способ обращения с предметами, который неосознанно предлагается определенной языковой традицией. Но, поскольку естественный язык – не замкнутая сфера значений, исключаящая другое видение и замыкающая таким образом горизонт понимания, а напротив, система открытая, она включена в динамический процесс культурного обмена с другими языками. Соприкосновение народов и рас, всякий раз вызывающее вместе с тем и их обособление, зависит, конечно, прежде всего, от хода исторических событий, большей частью от особенностей мест обитания и путей переселения народов. Гумбольдт полагал, что, если даже исключить всякое влияние внутренних, пускай даже инстинктивных сближений и отталкиваний между нациями, все равно любой народ еще до всякого учета его внешних связей можно и

нужно рассматривать как человеческую индивидуальность, направившуюся по внутренне самобытному духовному пути [4, с. 64].

В связи с данным пониманием проблемы взаимоотношений представителей различных национальных сообществ, а также характера отношений, существующих между членами одного языкового коллектива, Гумбольдт вводит понятие «языкового мировидения». Ученый полагает, что люди понимают друг друга не потому, что передают собеседнику знаки предметов, и даже не потому, что взаимно настраивают друг друга на точное и полное воспроизведение идентичного понятия, а потому, что взаимно затрагивают друг в друге одно и то же звено цепи чувственных представлений и внутренних понятий, в результате чего у каждого из них возникают соответствующие смыслы [4, с. 14].

В своем докладе «О сравнительном изучении языков...» Гумбольдт говорит, что языки являются не только средством выражения уже познанной истины, но, более того, средством открытия еще ранее не известной. «Совокупность познаваемого, – и тут Гумбольдт произносит чрезвычайно важную для сегодняшних лингвокультурологических, а также этнопсихолингвистических исследований мысль, – целина, которую надлежит обработать человеческой мысли, которая лежит между всеми языками и независима от них» [4, с. 307].

Работу мысли можно иначе назвать интеллектуальной деятельностью человека, а последняя, по убеждению Гумбольдта, неразрывно связана с устройством языка. Если же говорить о различных формах культурного творчества, то вполне можно охарактеризовать язык как зеркало культуры. При этом язык дан человеческому коллективу изначально, а не подключается, когда формирование культуры уже завершено. Между языком и культурой существует неразрывная связь, причем взаимодействие и, что более важно, взаимовлияние осуществляется не только по линии культура – язык, но и в обратном направлении – язык – культура.

Теоретическая концепция В. Гумбольдта внесла неоценимый вклад в разработку вопросов лингвистического знания, и хотя многие идеи ученого устарели, большая часть его теоретических разработок актуальна и по сей день, а к некоторым из них исследователи в области языка только еще начинают подступаться.

В действительности, имеющиеся теперь факты свидетельствуют, что если универсальная грамматика и имеет серьезные недостатки,

то эти недостатки кроются в непризнании ею абстрактной природы языковой структуры и в том, что она не накладывала достаточно сильных и ограничивающих условий на форму любого человеческого языка.

Как известно, грамматики, которые конструируются в действительности, лишь слегка варьируются среди носителей одного и того же языка, несмотря на различия не только в умственных способностях, но также и в условиях, при которых усваивается язык. Как члены определенной культуры мы знаем о различиях в способностях использовать язык, в знании словаря и так далее, которые обусловлены различиями в природных способностях и в условиях усвоения языка. Мы, естественно, обращаем гораздо меньше внимания на сходство и на общее знание, которое считаем само собой разумеющимся. Но, если нам удастся установить необходимую психологическую дистанцию, если мы действительно сравниваем порождающие грамматики, которые должны постулироваться для различных носителей одного и того же языка, то находим, что сходства, считающиеся априорными, четко выражены, и что расхождения немногочисленны и носят периферийный характер. Таким образом, обнаруживается определенная система принципов, которые не меняются от языка к языку даже в случае, если эти языки не являются родственными.

Список литературы

1. Алпатов В.М. История лингвистических учений. – М., 2001.
2. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М., 1996.
3. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. – М., 2000.
4. Гумбольдт В. Язык и философия культуры. – М., 1985.
5. Грамматика общая и рациональная Пор-Рояля. – М., 1990.
6. Звегинцев В.А. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. – М., 1960.
7. История лингвистических учений. – СПб., 1991.
8. Кибрик А.Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания: универсальное, типовое и специальное в языке. – М., 2001.
9. Философия: энциклопедический словарь. – М., 2004.
10. Хомский Н. Логические основы лингвистической теории. – Биробиджан, 2000.
11. Хомский Н. Язык и мышление. – М., 1972.
12. Язык и идеология: критика идеалистических концепций функционирования и развития языка. – Киев, 1981.
13. Языковые универсалии и лингвистическая типология. – М., 1969.

Казаква Мария Артуровна,
ГОУВПО «Ивановский государственный энергетический университет имени В.И. Ленина»,
аспирант кафедры иностранного языка,
телефон (4932) 38-57-72.